

Научное сообщество

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

А.В. Павлов

Государственный университет – Высшая школа экономики

«Что мы знаем о лисе? Ничего. Да и то не все». Этот забавный афоризм очень верен не только в отношении лисы. Точно так же, как с этой самой лисой, обстоят дела и с политической философией. Каждый думает, что знает, что это такое и стремится навязать свою точку зрения другим. Каждый более или менее честный исследователь (мы уже не говорим о бездарных отечественных публицистах, превративших политическую философию в нечто совершенно нереспектабельное) считает, что хорошо осведомлен о ее предмете. Однако ее предметное поле в описаниях исследователей оказывается каким-то уж чересчур бескрайним, начиная с демократии, продолжая свободой и справедливостью и заканчивая государством. И что же? У нас дело еще хуже.

В России любой, кто хоть когда-то и хоть что-то слышал о политической философии, абсолютно убежден, что знает о ней в достаточной степени, чтобы с гордостью провозглашать себя специалистом в этой области или, даже более того, мнить себя выдающимся экспертом, способным написать учебник или монографию.

В итоге политическая философия в России настолько себя дискредитировала, что дальше уже просто некуда. Точнее довели ее до такого состояния ее «выдающиеся» представители. В Российской ассоциации политической науки даже боятся называть исследовательский комитет именем «политической философии», потому что уверены, что в него набегут такие «эксперты», которые на самом деле либо некомпетентны, либо попросту являются сумасшедшими.

Самое печальное здесь то, что это – чистая правда. Достойных, действительно стоящих того, чтобы на них можно было обратить внимание, представителей политической философии, к сожалению, не так много. Пожалуй, можно назвать Артемия Магуна и Бориса Капустина. Причем весьма характерно, что оба имеют очень хорошую «западническую» закваску и такую же «западническую» ориентацию. Плохих примеров можно привести огромное количество. Однако чтобы никого не обижать, лучше не называть конкретных имен. Подавляющее большинство «исследователей» политической философии в России

твердит о каких-то политических гносеологиях, политических онтологиях, политических аксиологиях; также очень большой популярностью среди них пользуется термин праксиология. Что нам дает это попугайничанье и механический перенос категорий из систематической философии¹? Абсолютно ничего. Пустую схоластику и никакой эвристической ценности.

I

Однако и у западной политической философии в XX столетии были грандиозные падения, после которых она с трудом оправлялась. Не знаю, есть ли еще хоть одна отрасль философского знания, которая была бы столь сильно дискредитирована в XX столетии. Чего только она не натерпелась, чего только ей не приходилось пережить. Уже в середине 1950-х ей поставили диагноз: «Политическая философия умерла»². Об этом также заявили виднейшие представители политической науки Дэвид Истон³ и Альфред Коббан⁴. Лео Штраус, едва ли не больше всех сделавший для американской политической философии в 1950-1970-х, и тот писал о деградации политической философии с Древних времен⁵.

Однако врачи ошиблись с диагнозом, и смертельно больной пациент продолжал влачить жалкое существование, кашляя, задыхаясь, теряя сознание. Большинство молодых практикующих ветеринаров, явно не имеющих большого представления о том, как лечить больного, все же предприняли несколько попыток. Для того чтобы хоть каким-нибудь образом продлить жизнь больному, они стремились подвести под основание политической философии те или иные принципы отдельной отрасли философского знания. Это могла быть, например, феноменологическая традиция философствования, как в случае с Арнольдом Брехтом, издавшем в 1959-м году книгу⁶, в которой он изложил свое видение политической философии, основываясь, главным образом, на работах Эдмунда Гуссерля и Альфреда Шютца.

Интересно, что в 1950-е годы тенденция «спасения» больной политической философии наметилась и в Британии. В то время как американские политические ученые потихоньку «срастались» с немецкими эмигрантами, привезшими в США философские принципы и основания для оплодотворения тамошней политической науки, то англичане, чувствуя себя достаточно уверенно в отноше-

¹ Здесь следует обратить внимание, что разделение «систематической» философии и «аналитической» не заслуживает даже поверхностного анализа. Систематической – это какой? Гегель, Маркс? Маркузе? (Последних двух я бы не назвал «систематическими» в силу того, что они не строили системы). В смысле «построения систем» большинство американских философов в отличие от Витгенштейна, вполне себе «систематические». Линия Гудмен – Куайн – Дэвидсон – Льюис – это линия создания систем. А в силу того, что доминирует именно она (помимо различных «нейрофилософов»), «аналитическая» философия на настоящее время является одной из немногих «систематических» философией, говорящей о мире и месте в нем человека, природе души и Бога.

² P. Laslett (Ed.), *Philosophy, Politics and Society* (N.-Y., 1956), P. 9.

³ D. Easton, “Decline of Modern Political Theory,” in *Political Science Quarterly* (1953), Volume 68, № 3.

⁴ A. Cobban “Decline of Political Theory,” in *The Journal of Politics* (1951), Volume 13, №1.

⁵ Подробнее см.: Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

⁶ A. Brecht, *Political Theory* (Princeton, 1959).

нии новаторских концепций, привносимых в общую философскую теорию, стали применять принципы аналитической философии⁷ в области политического знания. Однако привели ли эти попытки к чему-нибудь продуктивному? Удалось ли им создать «традицию» аналитической политической философии?

По большому счету, оправданное использование этого понятия весьма сомнительно. По крайней мере, на Западе оно сейчас точно не пользуется спросом. Изредка тот или иной исследователь может заикнуться о влиянии аналитической философии на английскую (и лишь слегка на американскую) традицию политической мысли, но не более того. И хотя некоторые исследователи в 1950-60-е годы достаточно часто использовали термин «аналитическая политическая философия», предмет как таковой оставался известным лишь узкому кругу британских специалистов.

Питер Ласлет, один из первых вестников смерти политической философии, задумав порвать со всеми не устраивающими его и, по его же мнению, устаревшими наработками в сфере политических исследований, решил создать традицию аналитических исследований в области политической теории и даже относительно преуспел в этом отношении. Под его редакцией вышло три сборника под названием «Философия. Политика. Общество». Большинство статей из этих сборников так или иначе касались аналитического подхода в сфере политических исследований. К примеру, там были опубликованы статьи Майкла Оукшота, Исаяи Берлина и Герберта Харта, – все трое имели хорошую «аналитическую закваску»⁸.

Однако было ли все это действительно аналитической политической философией? Скорее всего, нет, хотя и имело хорошие перспективы стать таковой.

В «Энциклопедии философии» Питер Ласлетт и его верный соратник в деле создания новой традиции политического исследования Филипп Каммингс говорят об «аналитической политической философии», употребляя именно этот термин⁹. В списке литературы, относящемся к разделу «аналитическая политическая философия» они упоминают множество работ. Однако если взглянуть повнимательнее, список сочинений в этой области крайне невелик. Кроме того, принадлежность к аналитической традиции политической философии некоторых из упомянутых ими сочинений может вызвать, по меньшей мере, сомнения.

⁷ В данном контексте, хотя это и не вполне корректно, очень часто я отождествляю аналитическую философию с оксфордской традицией «лингвистической философии». (При этом не следует отождествлять «лингвистическую философию» с философией языка, которая действительно является обязательным элементом «аналитической философии»). Именно для «лингвистической философии» основной задачей был анализ языка, «прояснение и уточнение», тавтологии и т.д. Вопрос же об определении того, что называется «аналитической философией» – отдельная тема.

⁸ Здесь следует оговориться. Дело в том, что, несмотря на их стремление относиться к языку очень осторожно, Берлин и Оукшот, помимо прочего, исповедовали ту или иную разновидность идеализма, что для того времени в Британии означало «неаналитичность». В данном случае «аналитичность» можно понимать скорее как принадлежность к «лингвистической» философии, которая, как уже отмечалось, является необходимым элементом аналитической философии.

⁹ *Encyclopedia of Philosophy: in 10 Volumes*. Donald R. Borchert, editor in chief (N.-Y., London, Munich, 2006). Volume 7, P. 673.

Например, книги Карла Поппера «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма» вряд ли содержат большие открытия в области аналитического подхода к политике. Более того, можно лишь удивляться, насколько резкими и оценочными становились суждения Поппера, когда он «изобличал» философию Платона и Маркса. Примечательно, что, скажем так, «научные» труды Поппера, те, в которых он писал о «логике научных открытий» и «росте научного знания», коренным образом отличались от его сочинений, посвященных политической философии.

II

Существует точка зрения, что аналитической политической философии не существует, и вот почему. Дело в том, что многие из представителей этого направления современной западной философии, помимо своих главных аналитических штудий, иногда также писали статьи «на злобу дня», в которых не применяли разрабатываемых ими методов аналитической философии. Почему? Существует точка зрения, с которой, пожалуй, можно согласиться, что для этой категории исследователей существовало четкое разделение тех предметов, которым они уделяли свое внимание. Во-первых, существует область знания, где мы обязаны писать об истине. Во-вторых, существует область мнения, где мы вправе говорить и писать все, что угодно, не слишком заботясь об истинности или ложности наших высказываний. А так как в политике истина – дело спорное, то, вне всякого сомнения, здесь не может быть никакой философии, но только артикуляция наших мнений о насущных вопросах. Действительно, к примеру, Бертран Рассел, наряду с Витгенштейном стоявший у истоков «новых веяний современной философии», не слишком-то заботился о развитии аппарата аналитической и лингвистической философии в своих сочинениях на политические темы, будь то «Азбука большевизма», «Политические идеалы» или социально-философский анализ власти.

Однако в современной России дела обстоят не совсем так, как на Западе. Не столь давно на русском языке появилась довольно объемная книга известного ростовского ученого Виктора Макаренко «Аналитическая политическая философия»¹⁰. После прочтения такого претенциозного заглавия даже невольно начинаешь верить в то, что аналитическая политическая философия все же существует. Однако, ознакомившись с трудом поподробнее, только убеждаешься, что нет, точно не существует. Дело в том, что постоянные ссылки и упоминания «аналитической философии», ее крупнейших представителей, ее основных принципов в связи с рассказом о западной политической науке XX столетия, не делают последнюю «аналитической». Вне всякого сомнения, Виктор Макаренко талантливый ученый и в отличие от многих своих коллег-«политологов» хорошо осведомлен о последних наработках в западной политической науке. Цитирование и пересказ англоязычных книг, неординарные мысли и живой и ин-

¹⁰ См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. М., 2002.

интересный язык, конечно, делают ему много чести. Однако название книги все-таки не отражает ее содержания, поскольку «аналитической политической философии» сегодня просто-напросто не существует, а ее существование на Западе в XX столетии, по крайней мере, в столь большом объеме, в каком представил ее Виктор Макаренко, вызывает некоторые сомнения.

Однако этот эксперимент отечественного ученого, несмотря на то, что он, по-видимому, во многом провалился, не достигнув тех целей, которые ставил перед собой, выглядит более удачным, чем ужасающие бесплодные размышления о «политических праксиологиях» и «политических антропологиях». Кстати, только на философском факультете МГУ можно насчитать три совершенно непохожих друг на друга курса по политической антропологии, что свидетельствует о плачевном состоянии политической философии в России. (Похоже, в России эта отрасль знания «развивается» по принципу «что хочу, то и ворочу»).

Однако чтобы не углубляться в рассуждения о предмете, не заслуживающем нашего внимания, вновь зададимся вопросом: существует ли «аналитическая политическая философия»?

III

Лучшим примером аналитической политической философии, опять-таки в ее британском варианте, могут считаться некоторые из работ Майкла Оукшота, хотя и не все из них¹¹. Что касается американских авторов, то, разумеется, можно было бы вспомнить о работах Роберта Нозика и Рональда Дворкина – политических философах, которых, как правило, непреклонно связывают с аналитической традицией современной американской философии¹². Тем не менее, подробное рассмотрение работ этих авторов, к счастью, переведенных и на русский язык, заняло бы очень много места, а также вывело бы нас далеко за пределы темы статьи. По этому давайте вернемся к Майклу Оукшоту.

Например, в статье «Что такое политическая теория?»¹³ Оукшот подробнейшим образом разобрал два понятия: «теория» и «политика», так и не ответив при этом на вопрос, что такое политическая теория. Таким образом, если присмотреться к этой статье повнимательнее, то можно увидеть, что она лишена, собственно, политической составляющей. Скрупулезное прочтение работы «Что такое политическая теория?» оставляет горькое чувство, будто тебя обманули, пообещав разрешить актуальную проблему, но даже не предприняв попытки к этому. Здесь Майкл Оукшот действует в соответствии со всеми правилами метода аналитической философии. Но, к сожалению, долгое рассуждение и подробнейшее экспериментирование с двумя-тремя словами, пусть даже эти

¹¹ Например, единственная изданная на русском языке книга Оукшота, несмотря на то, что она заявлена как работа в русле «аналитических исследований в философии», фактически не содержит статей, о которых можно было бы сказать, что они «аналитические». См.: Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002.

¹² См., например: Предисловие издателя // Нозик Р. Государство, анархия и утопия. М., 2007. С.; Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

¹³ М. Oakshott, "What is Political Theory?" in Michael Oakshott, *What is History, and other essays* (London, 2004).

слова «политика» или «государство», выхолащивает из них весь смысл. Остается ли такая философия политической¹⁴? Нет. С полным правом ее можно назвать лишь аналитической философией, которая рассматривает политические понятия. Ведь нельзя не согласиться с тем, что аналитическая политическая философия должна представлять собою нечто большее, чем обыкновенное механическое распространение методов лингвистической философии на политические понятия.

Кажется, без соотнесения своих высказываний с анализом языка американский консерватор середины XX столетия Рассел Кирк вдруг увидел, что некоторые политические понятия просто-напросто лишены определения¹⁵, а потому таким понятием, у которого отсутствует значение, можно назвать практически все, что угодно. Кирк рассуждал следующим образом: «Каждая политическая система нашего века претендует на то, что она – самая демократичная. Соединенные Штаты – демократия, Россия – демократия, Индонезия – демократия, Британия – демократия, Югославия – демократия, коммунистический Китай – демократия, Греция – демократия, Египет – демократия, Израиль – демократия! Короче говоря, *вследствие своего триумфа это слово утратило всякий реальный смысл* [курсив мой. – А.П.]. И удивляться тут нечему: ведь „демократия“, если дать ей верное определение, есть не какая-то определенная форма правления, а лишь крайне общая характеристика состояния социума»¹⁶. Я нарочно оставил последнее предложение, потому что оно хорошо демонстрирует, каким образом, верно увидев суть проблемы, мыслитель тут же не только не пытается разрешить ее, но и лишь еще больше ее усложняет. Верно подметив бессмысленность или отсутствие содержания у слова «демократия», Кирк дает ей «верное определение», которое, разумеется, настолько же не соответствует смыслу этого слова, насколько все прочие дефиниции, отвергаемые Кирком. Похоже, именно поэтому Уэлдон, наблюдая за такими нехитрыми приемами, пришел к следующему суждению: «Проблемы социальной и политической философии возникают из-за особенностей языка, на котором мы пытаемся описать социальные и политические институты, а не благодаря чему-то таинственному в самих этих институтах»¹⁷.

¹⁴ Если мы будем механически переносить методы аналитической философии в политические исследования, то это будет аналитическая философия, «играющая» с политическими понятиями. Если наоборот, то – исследования в политической науке, лишь декларирующие свою «аналитичность», однако ничем не оправдывающие свои пышные декларации. Хотя термин «играющая» принадлежит другой философской традиции, он вполне применим и в данном случае. Например, им также пользуется Питер Уинч, пытавшийся объединить континентальную и англо-саксонскую традиции философствования. См.: Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С. 11.

¹⁵ Хотя, надо заметить, что определениями испещрены почти все отечественные учебники по «политической философии». И здесь, конечно, скорее дело не в определениях, а в том, как они делаются. То есть, какой схемой пользуется автор для конструирования определения.

¹⁶ Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? // Полис. №3. 2001.

¹⁷ T. D. Weldon, *The Vocabulary of Politics* (L., 1953). Естественно, такая позиция не могла не вызвать возражений. Питер Уинч отметил, что проводить границу между миром и языком, а также считать, что все философские проблемы возникают из языка, «на котором мы пытаемся описать мир», все равно что выхолащивать всю проблему философии. См.: Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С. 11.

Как правило, крупнейшим представителем аналитической политической философии называют также Джона Ролза, однако и его отношение к этому направлению весьма отдаленное. Ролз лишь использовал наработки Уилларда Куйана в сфере политики, и, по-видимому, тоже не слишком-то преуспел в сохранении политической составляющей собственной философии. К такому выводу, кстати, совершенно справедливо и обоснованно пришел британский исследователь Джон Грей, усмотрев в философии Ролза ее «антиполитическую сущность»¹⁸.

Квентин Скиннер, выдающийся представитель кембриджской школы истории политической мысли, когда-то попытался оставить на некоторое время свои профессиональные интересы и обратиться к исследованиям в области языка, кое-как увязав их с политикой. Результат: ошеломляющая критика со всех сторон и издание книги «Скиннер и его критики». После этого неудачного и одновременно в каком-то смысле совершенно удачного опыта Скиннер, поджав хвост (думаю, что это выражение выглядит довольно удобоваримо в данном контексте), вернулся к своим давним друзьям – Николо Макиавелли и Томасу Гоббсу – друзьям, которые, кажется, приносят ему гораздо большую славу, нежели его периферийные изыскания.

Разве все это – аналитическая политическая философия? Разве существует традиция аналитической политической философии, которую так усердно, но все-таки тщетно пытался искусственно создать Питер Ласлет? Действительно ли возможно приложение методов аналитической философии к политической, чтобы каким-то странным образом получилась новая дисциплина? Как это может быть?

Здесь можно было бы спросить, а разве нет сочинений Герберта Харта, Исая Берлина, Аласдера Макинтайра, Франка Анкерсмита, Артура Данто, которые обычно упоминают в связи с «традицией аналитической политической философии»?

Дело в том, что «Понятие права»¹⁹ Герберта Харта, как бы ни был силен у нас соблазн отнести эту работу к традиции аналитической политической философии, в конце концов, остается лишь блестящим примером аналитической традиции в области правовой теории²⁰. Работы Артура Данто²¹ и Франка Анкерсмита²² остаются лишь интересными примерами «аналитической философии истории». Как бы ни было велико искушение рассматривать Исая Берлина и

¹⁸ Подробнее см. Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003.

¹⁹ Харт Г. Понятие права. СПб., 2007.

²⁰ Здесь, кстати, было бы вспомнить о критике некоторыми представителями правовой теории в отношении «аналитической теории права», которая могла бы стать и хорошим основанием и для критики «аналитической политической философии». В середине 1970-х годов немецкий исследователь Кунц в работе «Аналитическая теория права: „правовая“ теория без права?» поставил под сомнение продуктивное использование «аналитического метода» в правовой теории – метода, отрицающего ценностную ориентацию права. Именно поэтому он написал: «Аналитическая теория права вообще не может познать право, являющееся предметом ее исследования; в этом смысле она есть правовая теория без права». См.: L.-S. Kunz, *Die analytische Rechtslehre: eine „Rechts“ – theorie ohne Recht* (Berlin, 1977), S. 12.

²¹ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002.

Аласдера Макинтайра в свете «аналитического метода в истории идей»²³, такое предприятие вряд ли не будет выглядеть натяжкой. Ни Берлин, ни Макинтайр, сколь бы долго они ни прожили в Британии, общаясь со своими коллегами из цеха аналитической философии, сами все же не принадлежат к этой школе.

IV

Однако эти попытки политических ученых освоить просторы аналитической философии с целью создания новой традиции и нового философского знания были лишь одной стороной медали. Обратной стороной медали оказывалось сокрушительное воздействие принципов аналитической философии на понятия, относящиеся к истории политической теории.

Аналитическая философия, конечно, очень выручает политическую теорию, в особенности в той ее части, которая касается понятий и языка, однако она может оказать и медвежью услугу исследованиям в области политики, поставив под сомнение существование практически всех понятий и концептов политической философии. Таким образом, сам язык и политической теории, и политической науки, и, более того, самой политики попадает под угрозу полнейшего истребления. Эту дилемму очень хорошо в свое время сформулировал виднейший представитель политической теории Гривз: «Никто не станет оспаривать заслуг лингвистической философии в том, что касается ее попыток прояснить значение слов и понятий естественного языка, а также той крайней осторожности в их употреблении, которую она защищала. И в том, и в другом отношении ее вклад неоценим. Она должна приводить, и есть факты, говорящие в пользу того, что она ведет, к более строгому отношению к политической теории и применению более точных научных методов. Но так называемая революция в философии пошла, конечно, намного дальше. Сосредоточившись на проблеме неправильного употребления языка, она, казалось, поставила под сомнение саму возможность существования утверждений, имеющих значение. (Не пришел ли Витгенштейн к такому результату?). Из-за ее сильного влияния теперь стало невозможным руководствоваться основными идеями, используемыми политическими теоретиками – поскольку те заражены „микробами“ естественнонаучного подхода. Понятия становятся тавтологиями. Обобщения становятся настолько размытыми, что их трудно (если вообще возможно) хоть как-то интерпретировать. По сути, многое из того, о чем писали политические теоретики от Платона до Джорджа Эдварда Мура, считается бессмысленным. Неудивительно, в таком случае, что сейчас мало отважных посвятить себя занятию, пользующемуся такой плохой репутацией»²⁴.

²² См.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. М., 2003; Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

²³ Такое «опасное» предприятие задумал питерский исследователь Сергей Никоненко. Его гипотезы и выводы на этот счет увлекательны, хотя и не бесспорны. См.: Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб., 2007. С. 416-452.

²⁴H.R.G. Greaves, "Political Theory Today," *Political Science Quarterly*, Volume 75, № 1, P. 6.

Более того, аналитическая философия, а точнее политические ученые, обратившие на нее свое внимание, поставили под сомнение пользу от исследования истории политической теории и понятий, которые она использует. Между тем, разве они не были правы? Разве понятие «справедливость» одинаково понимается Платоном, Джоном Ролзом и Ричардом Рорти? Отнюдь. Лари Спэнс, теоретик, глубоко разочаровавшийся в том, чем он занимался большую часть своей жизни – историей политической философии, – очень хорошо сформулировал эту проблему языка истории политической теории: «Вероятно, вопросы вроде: „Что такое справедливость?“, „Что такое свобода?“, „Что такое государство?“ являются способом смягчить политические требования. Ошибочно полагать, что афиняне – граждане, женщины, рабы и метеки – не знали, что такое справедливость в условиях существовавшей политической системы. Возможно, они не знали, как достичь справедливости или чего-то похожего, но они, должно быть, были в высшей степени разочарованы платоновским решением этого вопроса. Сложно увидеть какую-либо связь между постановкой проблемы и ее решением у Платона, Гоббса, Маркса и Кропоткина, поскольку используемые ими понятия, принадлежа к разным теориям, не тождественны по смыслу. Именно поэтому концепции мыслителей прошлого мало или вовсе не помогают нам в разработке политических понятий, которые могут быть использованы в качестве элементов современных теорий»²⁵.

В общем, самое интересное во всей этой истории то, что идея упадка, заката или смерти традиционной политической философии в 1950-х, анонсируемая Истоном, Коббаном и Штраусом, стала проявляться вне сферы политической науки – исключительно в сфере философского знания. Смерть политической теории явилась продуктом претензий позитивистской этической теории и аналитической философии на статус морального объяснения и представлений рациональности в нормативном рассуждении.

Такие философы, как Т.Д. Уэлдон²⁶ (один из самых ярких критических представителей, применивших принципы аналитической философии в политической теории), утверждали, что традиционная политическая философия основывалась на ошибочной вере, будто моральные и политические принципы, подобно эмпирическим научным утверждениям, в их содержательном смысле являлись непорочными. Они стали подвергаться безжалостной критике одно понятие за другим, не оставляя от понятийного аппарата традиционной политической философии камня на камне. Но лишение понятия какого бы то ни было смысла – а назвать его фикцией и значит лишить всякого значения – иллюстрирует движение современной философской мысли в направлении анализа значений вне понятия, таким образом, показывая его несостоятельность и стремясь к тому, чтобы, по сути, вовсе запретить его употребление.

²⁵ L. D. Spence, "Political Theory as Vacation," *Polity* (1980), Volume 12, № 4, P. 704.

²⁶ T. D. Weldon, *The Vocabulary of Politics* (L., 1953); T. D. Weldon, "Political principles," in Laslett P. (Ed.) *Philosophy, Politics and Society* (N.-Y., 1956).

Что остается делать нам в этом случае? В таком случае, как этот, мы должны дать новую трактовку подобным, в сущности, верным понятиям, делая их более плодотворными, творческими, более дальновидными и пригодными для употребления. Однако на этом весьма позитивном и благородном стремлении критики «застряли», так и не вытянув свой грандиозный проект. Оставив здание «аналитической политической философии» недостроенным, британские первопроходцы открыли «стройку века» для всех желающих. По одному кирпичу положили туда и Харт, и Окушот, и Ролз, в то время как Рассел, обладая знаниями и умениями прораба, даже и не прикоснулся к работе. В общем, великий проект здания так и остался в плачевном состоянии. К каким выводам нас приводит этот краткий экскурс в несостоявшуюся «аналитическую политическую философию»?

V

Аналитическая философия чрезвычайно важна и полезна для политической в том смысле, что аналитический метод мог бы вдохнуть новую жизнь в «застоявшуюся» политическую теорию – ту теорию, к которой мы давно привыкли. На основе наработок аналитических философов исследователи политической науки могли бы попытаться построить новую отрасль социального знания. Однако надо признаться, что полнейшее и безболезненное слияние двух этих областей философского знания невозможно. Более того, если попытаться искусственно объединить их, то есть сделать очередной гибрид нового поколения, то, вероятно, к какому-то результату мы все же придем, однако вряд ли он будет полезным и хоть сколько-нибудь положительным. Скорее, он будет контрпродуктивным.

Аналитическая философия может научить политическую более внимательно относиться к словам и выражениям, понятиям и словосочетаниям, тщательно отыскивать и анализировать смысл сказанного, прежде чем объявлять его истиной в последней инстанции, изучать языковые конструкции, прояснять настоящее значение слов, не оставлять термины без проверки, не доверять предшествующим поколениям мыслителей, критически относиться к самым общим понятиям, не имеющим ясного, четкого и вполне себе определенного значения.

Чтобы говорить без обиняков, повторюсь. Аналитическая политическая философия невозможна, как бы мы ни ухищрялись в гибридизации и фрагментации философского и политического знания. Однако сам по себе метод аналитической философии чрезвычайно полезен, в особенности для отечественной политической философии, которая, похоже, вообще не заботится ни об определениях, ни о смысле того, о чем говорит. Если уж и заимствовать (но не переносить искусственно и механически, как это делают русские «политические философы») концептуальные схемы из всего сонма философского знания, то уж точно не из систематической философии, а из аналитической.